

УДК 343.231
ББК 67.408

З.Б. Соктоев,
кандидат юридических наук, доцент
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ТЕОРИИ «АДЕКВАТНОЙ» ПРИЧИННОСТИ И «НЕОБХОДИМОГО ПРИЧИНЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассмотрены положения теории «адекватной» причинности и ее отечественного аналога – концепции «необходимого причинения». Сделан вывод о теоретической состоятельности и вместе с тем о практичности этих теорий, поэтому задача, сформулированная по указанной проблеме более 150 лет назад, остается до настоящего момента актуальной и может быть в современный период конкретизирована следующими шагами:

- а) снять противоречия между философией вопроса о причинности и уголовно-правовыми представлениями о ней;
- б) выработать учение о причинной связи, равно применимое к разным формам и видам преступных деяний (преступлениям с материальными и формальными составами и др.);
- в) дать научное объяснение сложившейся правоприменительной практике толкования причинной связи;
- д) предложить научно обоснованный и практически применимый алгоритм уголовно-правовой оценки механизма причинения общественно опасных последствий.

Ключевые слова: причинная связь; квалификация преступления; «адекватная» причинность.

Z.B. Soktoev,
Ph.D. in Law, Ass. Professor
General Prosecution Academy of the Russian Federation

THEORIES OF «ADEQUATE» CAUSALITY AND «NECESSARY CAUSATION» IN CRIMINAL LAW

The paper examines the theory of «adequate» causality and its Russian counterpart – the concept of «necessary causation». The author concludes that these theories are both theoretically consistent and practical. Thus the task formulated on their basis over 150 years ago is still relevant and at present it could be specified by the following:

- a) to eliminate contradictions between the philosophy of causation and the criminal law ideas about it;
- b) to work out a study of causal relations which could be equally applied to different forms and types of criminal acts (crimes with material and formal components, etc.);
- c) to offer a scientific explanation for the existing law enforcement practice of defining causal relation;
- d) to offer a theoretically consistent and practical algorithm of evaluating the mechanism of causing socially dangerous consequences from the criminal law viewpoint.

Key words: causal relation; qualification of a crime; «adequate» causality.

*Поскольку с объективной стороны
существует только один человеческий разум,
то не может существовать и многих философий
по поводу одного вопроса.*

И. Кант

Исторически сложилось так, что вопрос о причинной связи в отечественном уголовном праве связывается с решением вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности при анализе признаков внешней стороны его посягательства на охраняемые уголовным законом объекты. Причинная связь в уголов-

ном праве традиционно рассматривается в аспекте установления необходимой и достаточной для последующего вменения в вину связи между деянием лица и общественно опасными последствиями: лицо несет ответственность только за тот вредный результат, который оно причинило своим деянием.

Отсутствие причинной связи между преступным деянием и общественно опасными последствиями указывает на отсутствие одного из составляющих основания уголовной ответственности.

Как известно, еще в средние века причинность употреблялась итальянскими юристами для разрешения дел о причинении вреда жизни и здоровью. Об этой первой теории причинной связи, получившей впоследствии название «исключительной причинности», можно сказать, что она сложилась как собственно уголовно-правовая теория. Идея этой концепции была верной: выявлять непосредственную связь между юридически значимыми причиной (действием обвиняемого) и следствием (преступным результатом). Действия обвиняемого тогда признавались причиной наступившего результата, когда *исключительно* эти действия, без вмешательства каких-либо других причин, вызвали преступный результат. Между тем теория не могла разрешить ситуации причинения вредного последствия, вызванного несколькими факторами, например, когда смерть потерпевшего была осложнена возникшим заболеванием либо смертельная травма причинена действиями нескольких лиц. В случаях, когда в процесс развития причинно-следственной связи вмешивались посторонние обстоятельства, а смерть наступала не сразу после нанесенных повреждений, выставлялся ограничительный срок между нанесением раны и констатацией смерти (критические дни): 7 дней, 20 дней, 40 дней, год и один день и т. д., после истечения которого делался вывод об отсутствии причинной связи [6, с. 190–211]. В целом же, решение поднимаемых практикой вопросов ограничилось выставлением отдельных казуистических положений, а исследований понятия причинной связи на соответствующем теоретическом уровне не проводилось.

Поэтому начиная примерно с середины XIX в. «научная юридическая мысль в области уголовного права была подчинена поискам приемлемой теории причинной связи, которая, с одной стороны, давала бы определенное философское обоснование понятия причинной связи, а с другой – была бы положительно воспринята практикой правосудия по уголовным делам» [5, с. 194]. С этого времени в рамках теории эквивалентности получает обстоятельное развитие логико-философ-

ское правило *conditio sine qua non*, которое в настоящий момент можно рассматривать как основу дальнейшего поиска искомой концепции причинной связи в уголовном праве. В конце XIX в. появляется новое учение – *адекватной* причинности, а в уголовно-правовой доктрине советского периода – в первой половине XX в. – ее отечественный аналог концепция «необходимого причинения» [7].

В литературе (немецкими специалистами) отмечается, что в настоящее время теория адекватной причинности с соответствующими правками и дополнениями переживает определенный ренессанс. В ней была впервые заложена идея различения предметной (фактической) и уголовно-правовой оценок механизма причинения вреда [3, с. 99]. А концепция «необходимого причинения» продолжает оставаться среди теорий, получивших наибольшее распространение в отечественной уголовно-правовой науке. В связи с этим полагаем необходимым вернуться к аргументам этих теорий.

Адекватисты «первой волны» принимали причинность как категорию, порожденную нашим сознанием, как известную привычку, ожидание и уверенность в наступлении ожидаемого. С этих позиций вполне справедливо выделялась конкретная причинность, отражающая конкретное течение событий, которое, строго говоря, уникально, а каждое из ее условий необходимо. Конструировалось понятие абстрактной причинности посредством абстрагирования от особенностей конкретного причинения и выявления и обобщения условий, которые не только в данном конкретном случае, а обычно (вообще, в принципе, всегда) приводят именно к конкретному результату. Соответственно причиной вредного результата признавались только такие действия лица, которые могли рассматриваться как типичные, общепризнанные по отношению к человеческому опыту, адекватные для наступивших последствий.

В зависимости от того, чей опыт должен учитываться при анализе причинности, как известно, выделялись две разновидности этой теории – объективная и субъективная. Представители объективной теории считали, что оценка типичности поведения человека для наступивших последствий должна даваться судом «опытнейшего и проницательного из людей» (Трегер), «судьи» (Рюмелин), «всякого благоразумного человека»

(Тон), представители же субъективного направления этой теории исходили из того, что такая оценка должна основываться на представлениях самого действовавшего (Крис) (см., например: [4; 9]).

Видимо, нельзя отрицать того, что установление причинной связи в рамках уголовного дела представляет собой не что иное, как субъективное понимание исследователя (дача им юридической оценки) характера взаимозависимостей и взаимодействий каузальных факторов. И поскольку криминалист дает причинное объяснение уже произошедших событий, постольку он вынужден обращаться к «всеобщему опыту» и таким образом строить свои предположения. Только путем сопоставления фактов конкретного дела и знания предшествующей правоприменительной практики, т. е. заключения о типичности, закономерности произошедшего, возможны рассуждения о степени вероятности наступления вредных последствий.

Так, например, приговором Кулундинского районного народного суда Алтайского края Ревинский и Савченко были осуждены за причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего. Установлено, что Ревинский в связи с приездом родственников у себя на квартире организовал вечер. Среди гостей были О. и С. Во время вечера между Ревинским и О. возникла ссора, в которую вмешался и Савченко. Ревинский и Савченко, вытолкнув О. из квартиры, избили его. В результате избиения О. получил ушибы и сотрясение головного мозга, якобы от которых он умер. Судебная коллегия правильно указала, что вина Ревинского и Савченко в нанесении побоев О. доказана, однако, преступные действия Ревинского и Савченко квалифицированы неправильно. Согласно материалам дела, избиение потерпевшего осужденными имело место 11.04.1964 г. С 13 апреля по 12 мая 1964 г. О. находился на излечении в больнице и выписался в удовлетворительном состоянии. В соответствии с заключением судебно-медицинского эксперта, производившего освидетельствование потерпевшего после выписки из больницы, О. причинены ушибы и сотрясение головного мозга, относящиеся к менее тяжким телесным повреждениям. После выписки О. в течение месяца находился дома, а 17.06.1964 г. поступил в больницу в тяжелом состоянии и через день умер. Из акта судебно-медицинского исследования трупа усматривается, что до вторичного поступления в больницу

О. на несколько дней исчез из дома, обнаружен был 17 июня и доставлен в больницу в тяжелом состоянии. Сидеть и ходить он не мог. Эксперт пришел к выводу, что смерть О. последовала от кровоизлияния в мозг, произошедшего за два-три дня до поступления в больницу. В заключении комиссии экспертов не было дано прямого ответа на вопрос о наличии причинной связи между смертью и ранее причиненными О. телесными повреждениями. В материалах дела не было и данных, свидетельствующих о непосредственной причинной связи между смертью потерпевшего и действиями осужденных. При отсутствии таких данных было правильно указано, что Ревинский и Савченко должны нести ответственность за умышленное причинение О. менее тяжких телесных повреждений (по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР) [1, с. 7–8].

В противном случае, при ограничении любого исследования только конкретными фактами, заметим – уже наступившими, вывод будет очевиден: течение событий и наступление вредных последствий является неизбежным, а значит, лицо, коль скоро оно включено в причинную цепь, обязано нести за них ответственность.

Критика данной теории уместна, полагаем, в указании на «размытость» критериев для ее применения на практике. В правовой литературе отмечалось, что ее коррективы – в общей формуле – «справедливость», «соответствие правовому чувству» являются слишком субъективными и неопределенными. И дело даже не в том, что эта теория представляет лазейку для преступников, избирающих хитрые, нетипичные способы достижения преступной цели. Например, ситуацию, нередко приводимую в русле критики теории, когда потерпевшему с врожденным утончением сосудов головного мозга (или перенесшему черепно-мозговую травму) наносят легкий удар по голове, оказавшийся достаточным для наступления смерти, представляют неразрешимой с позиций теории адекватной причинной связи. Трудность видят в том, что при имеющейся причинности адекватист, учитывая нетипичность наступления смерти, ответит отрицательно на вопрос о наличии каузальной связи. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, причинная связь должна исследоваться «именно в реальном ее бытии, а не подменяться поиском не существующей в природе типичной связи» [5, с. 34]. Кроме того, имея в виду философс-

кую составляющую вопроса, думается, стоит учесть неразрешенную до сих пор неопределенность следующей проблемы: представляет ли причинность способ организации знаний или причинность есть какой-то фундаментальный факт реального бытия, связь, которая существует в природе.

Оценивая приведенный пример, необходимо задаться вопросом: насколько результат не соответствует легкому удару и неадекватен ему, если иметь в виду опыт подобных причинных отношений, звеньями в которых являются аналогичная особенность организма, легкое воздействие со стороны лица и наступление смерти?

Необходимо отметить, что этот вопрос разрешается при квалификации преступления по объективным признакам независимо от оценки субъективной стороны содеянного. Так, Ш. был осужден за неосторожное убийство К., произошедшее при следующих обстоятельствах. Во время ссоры Ш. ударил К. по голове, причинив ему телесное повреждение (ушиб мягких тканей лица), что повлекло за собой кровоизлияние в мозг с тяжелыми изменениями в веществе и сосудах головного мозга, в результате чего через 18 дней К. скончался. В кассационном порядке приговор оставлен без изменения. Заместитель Председателя Верховного Суда РСФСР внес в президиум городского суда протест об отмене приговора и определения в отношении Ш. и прекращения дела производством на основании п. 7 ст. 5 УПК РСФСР. Президиум протест удовлетворил, указав следующее. Суд, признав Ш. виновным в неосторожном убийстве, не учел, что в судебно-медицинском заключении обнаруженная у К. отечность в области нижней челюсти отнесена к легким телесным повреждениям, не повлекшим за собой кратковременного расстройства здоровья. Кроме того, в заключении указано, что в развитии кровоизлияния, приведшего к смертельному исходу, определяющими моментами была патология артериальных сосудов основания головного мозга, а способствующими – заболевание (гипертоническая болезнь), алкогольное опьянение, конфликтная ситуация, незначительная травма. Клиническая картина течения заболевания у К., который, как указано в заключении, в течение недели до поступления в стационар сохранял сознание, ориентировался в обстановке, дает большие оснований считать, что кровоизлияние под мягкие мозговые оболочки и в глубоких отделах мозга возникло вследствие разрыва

какого-либо измененного артериального сосуда. Подобные кровоизлияния чаще возникают при изменениях в стенках сосуда, разрывы которых могут возникнуть как самопроизвольно, так и под влиянием различных факторов, не связанных с тяжелой черепно-мозговой травмой. Далее президиум пришел к выводу, что Ш., не знавший о наличии у К. патологических изменений сосудов головного мозга, ударив его рукой по лицу, не только не предвидел возможности наступления смерти потерпевшего, но и не мог этого предвидеть. При таких конкретных обстоятельствах не имеется оснований для признания наличия причинной связи между нанесением удара Ш. и наступившими последствиями [2, с. 8–9]. Как видно из примера, суд при решении вопроса о причинной связи исключает ее наличие аргументами, восходящими к субъективной стороне преступления, допуская тем самым грубую методологическую ошибку.

В науке советского уголовного права концепция «необходимого причинения» была вообще первой развернутой, направленной на углубление тезиса *conditio sine qua non* теорией причинности. Это учение привлекало диалектические категории необходимости и случайности в качестве объективной предпосылки ответственности.

Согласно философской трактовке категории случайность и необходимость имеют качественное различие между собой, которое, по мнению сторонников теории «необходимого причинения», является основой решения всей проблемы причинности в праве. Так, А.А. Пионтковский писал: «Необходимое последствие есть проявление закономерности развития данного явления, оно внутренне ему присуще. Случайное последствие закономерно не вытекает из данного явления, хотя оно само причинно обусловлено. Оно наступает потому, что в своем развитии данная закономерность переплетается с действием других посторонних для нее обстоятельств. Случайные последствия возникают под влиянием воздействия другой цепи причинности, оказавшей влияние на развитие рассматриваемых событий». И, соответственно, автор полагал, что «вопрос об ответственности за наступившие последствия может быть поставлен и положительно решен лишь тогда, когда эти последствия были необходимыми, закономерными последствиями совершенного лицом действия, имели в нем свое основание» [6, с. 213]. В свою

очередь, определение причинения как необходимого проводилось при использовании критерия объективной реальной возможности, закономерности наступления вредных последствий как результата поведения человека. При этом реальная возможность наступления определенного последствия понималась как возможность дальнейшего развития событий под влиянием совершенного действия в соответствии с закономерностью внешнего мира. В развитие этой мысли указывалось, что необходимыми последствиями являются те, которые были внутренне присущи данному действию в конкретных условиях его совершения, а случайными – те, которые в этой конкретной обстановке не вызывались закономерным развитием событий, не были внутренне присущи совершенному действию [6, с. 216].

В связи с приведенным подходом к решению проблемы причинности возникает вопрос: как следует проводить различие между внутренне присущими данному действию последствиями и теми, которые не были в конкретных условиях причинения внутренне присущи искомому действию? Четкий, конкретный ответ на поставленный вопрос, пожалуй, разрешил бы в целом проблему. Однако теория «необходимого причинения», в принципе правильно указывая на то, что проблема каузальных объяснений разрешается путем конкретного рассмотрения существующей взаимозависимости соответствующих явлений, тем не менее, «решает» вопрос в своем окончательном виде посредством приведения иллюстративных примеров, казуистически.

В приводимом варианте логика рассуждений сторонников концепции «необходимого причинения», следует полагать, методологически безупречна, равно, как и по сути аналогичный путь решения проблемы с помощью адекватной теории причинной связи. Другое дело, приверженцы адекватной теории каузальности открыто предлагали пусть субъективные и размытые, но критерии для практического применения, например, «соответствие справедливости» и т. п. В то время как сторонники теории «необходимого причинения» критериев приемлемых для практических работников, представляется, пока еще не выработали.

При всей состоятельности именно в теоретической плоскости выводов этого уче-

ния приходится констатировать, что и до настоящего времени остается верным наблюдение Т.В. Церетели о том, что нельзя привести ни одного приговора, в котором рассмотрение причинной связи между содеянным преступлением и наступившими общественно опасными последствиями основывалось бы на этом учении [8, с. 148]. Изучение судебно-следственной практики и интервьюирование практических работников приводит к заключению, что при решении конкретного вопроса о причинности указанные абстрактные философские категории не применяются*.

Таким образом, уголовно-правовые теории «адекватной» причинности и «необходимого причинения» хотя и дают определенное философское обоснование понятия причинной связи, но остаются не воспринятыми практикой правосудия по уголовным делам. Проблема, сформулированная по указанной теме более 150 лет назад, остается до настоящего момента актуальной и может быть конкретизирована следующими задачами, стоящими перед современным исследователем: а) снять противоречия между философией вопроса о причинности и уголовно-правовыми представлениями о ней; б) выработать учение о причинной связи, равно применимое к разным формам и видам преступных деяний (преступлениям с материальными и формальными составами и др.); в) дать научное объяснение сложившейся правоприменительной практике толкования причинной связи; д) предложить научно обоснованный и практически применимый алгоритм уголовно-правовой оценки механизма причинения общественно опасных последствий.

* Проанализирована судебная практика (проведено сплошное исследование официальных изданий Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации за период с 1961 г. по 2010 г. и выборочное свыше трех тысяч уголовных дел, находившихся в производстве прокуратур и судов Российской Федерации за период с 1999 г. по 2010 г.) и опрошено 627 практических работников, 182 преподавателя и научных сотрудников (специалистов в области уголовного права).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1966. – № 2. – С. 7–8.
2. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1984. – № 2. – С. 8–9
3. Жалинский А.Э. Причинность в структуре уголовной ответственности // Российский ежегодник уголовного права / под ред. д-ра. юрид. наук, проф. Б.В. Волженкина. – СПб., 2007. – С. 79–107.
4. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. – СПб., 2000. – С. 96.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. – Т. 1 : Общая часть – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – 496 с.
6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. – М., 1961. – 668 с.
7. Уголовное право. Общая часть : учебник. – М., 1938. – 408 с.
8. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1963. – 383 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права (по изд. 1910 – 1912 гг.). – М., 1995. – С. 267.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М., 1995. – 556 с.

REFERENCES

1. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSPHSR* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. 1966, no. 2, pp. 7–8.
2. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSPHSR* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. 1984, no. 2, pp. 8–9
3. Zhalinskij A.E. Rossijskij ezhegodnik ugodovnogogo prava [Russian Criminal Law Annual]. Saint-Petersburg, 2007, pp. 79–107.
4. Malinin V.B. *Prichinnaya svyaz' v ugodovnom prave* [Causal Relation in Criminal Law]. Saint-Petersburg, 2000, pp. 96.
5. Naumov A.V. *Rossijskoe ugodovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow, 2004, 496 p.
6. Piontkovskij A.A. *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugodovnomu pravu. Kurs sovetskogo ugodovnogogo prava* [Study of Crime in Soviet Criminal Law. A Course of Soviet Criminal Law]. Moscow, 1961. 668 p.
7. *Ugodovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow, 1938, 408 p.
8. Tsereteli T.V. *Prichinnaya svyaz' v ugodovnom prave* [Causal Relation in Criminal Law]. Moscow, 1963, 383 p.
9. *Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava: (po izd. 1910 - 1912 gg.)* [General Theory of Law (1910–1912 edition)]. Moscow, 1995, pp. 267.
10. *Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.)* [Textbook of Russian Civil Law (1907 edition)]. Moscow, 1995, 556 p.

Информация об авторе

Соктоев Зорикто Борисович (Москва) – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (107078, Москва, ул. Новая Басманная, 10, e-mail: 200135@mail.ru)

Information about the author

Soktoev, Zorikto Borisovich (Moscow) – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Deputy Head, Law Institute. General Prosecution Academy of the Russian Federation (Novaya Basmanaya st., 10, Moscow, 107078, e-mail: 200135@mail.ru)